

Сказки для взрослых детей

Ник Лисицкий

Колобок

Аннотация

Главный герой современной интерпретации «Колобка», из серии «Сказки для взрослых детей» Ника Лисицкого, катится по жизни, от одной возлюбленной к другой. Он ищет сказочную мечту своего детства, ищет счастье, и в этих поисках не задумываясь уходит от всех. Однако проблема каждого «колобка» в том, что рано или поздно на его пути встретится «лиса». И его жизнь уже никогда не будет прежней.

«Сказки для взрослых детей» — сборник историй, главными героями которых выступают знакомые нам с детства сказочные персонажи... А может, и не совсем сказочные. Потому что теперь они живут в реальной жизни. И у каждого из них реальные проблемы.

Для широкого круга... взрослых читателей.

Ник Лисицкий

Колобок

В детстве Костя очень любил слушать сказки. Каждый вечер мама, уложив его в кровать и подоткнув одеяло, открывала большую книгу и начинала читать. «Красная шапочка», «Аленький цветочек», «Синяя борода», «Золушка», «Рапунцель», «Колобок»... Костя не засыпал. Затаив дыхание, он слушал каждое слово, и в его воображении живо рисовались приключения сказочных героев.

Прочитав пять-шесть сказок, мама укоризненно смотрела на него, гладила по голове и говорила: «Спи, тебе уже давно пора спать». Костя не хотел ее расстраивать — закрывал глаза и делал вид, что его сморил сон.

Иногда ему снились продолжения услышанных историй. Колобок выскакивал из кухни и катился через коридор, спасаясь бегством от бабушки. Он закатывался в комнату Кости и прятался под кроватью. Бабушка, разведя руками, уходила, а Колобок забирался к Косте на одеяло и рассказывал, как от всех ушел. В конце он добавлял: «И от тебя уйду», — прыгал на подоконник и исчезал за окном. Утром Костя первым делом выглядывал на улицу — не лежит ли

на земле разбившийся в лепешку комок теста. Но там ничего не было.

Родители перестали читать на ночь, когда ему исполнилось шесть. «Ты уже большой, — констатировали они, — пора учиться самому». И подарили большую книгу «Сказки народов мира». За месяц он прочел ее от корки до корки. Его сны стали еще более яркими и насыщенными. Дюймовочка теперь казалась похожей на Аню — девочку, с которой он сел за одну парту первого сентября. Братья-близнецы Карповы, дворовые драчуны и задиры, появлялись в образе трех поросят. Их было двое, и они рассказывали Косте, что третий остался в домике.

Однажды папа принес сверток, заговорщицки подмигнул Косте и достал новую книгу — «Тысяча и одна ночь». То был совершенно новый мир. Теперь не только люди, но и многие вещи теряли привычные формы, обретали новый смысл. В старой масляной лампе жил джинн, дедушкины тапки развивали бешеную скорость, а красный потрепанный ковер, висевший на стене днем, ночью летал по комнате и пытался пролезть в окно.

В парке у реки Костя нашел укромное местечко и соорудил небольшой шалаш. Каждый день после школы он отправлялся к нему и оставался там до наступления темноты.

— С друзьями играю, — уверенно говорил Костя.

У входа во дворец его встречал Аладдин. За стенами, сложенными из еловых и сосновых веток, ждала Шахерезада. Старая лампа, унесенная из дому, стояла рядом с тапками, которых дедушка обыскался и, махнув рукой, купил новые. Только ковер (за слишком непоседливый характер) остался дома. Вместо него Костя притащил пестрое одеяло.

Тайна, которую хранили все эти вещи, была известна только ему. Со сверстниками он общался мало и, как только заканчивался последний урок, спешил очутиться в своем загадочном убежище.

В пятом классе к ним пришла новая девочка. Ее семья переехала из другого города и поселилась неподалеку от дома, где жил Костя. Девочка была маленькой, хрупкой, с черными вьющимися волосами и глазками-бусинками.

Костя попробовал найти для нее сказочный образ, но не смог. Оля ни на кого не была похожа. Она казалась прекраснее всех его друзей, появлявшихся во снах и обитавших в шалаше.

После занятий он догнал ее.

— Привет. Хочешь, расскажу тебе сказку?

— Хочу, — ответила она.

С того момента Костя рассказывал ей сказки каждый день, по дороге домой. Оля внимательно слушала и все время удивлялась — откуда он знает

так много историй?! Через месяц они уже ходили держась за руки, а одноклассники показывали на них пальцами и шушукались: «Влюбленные».

Настал день, когда Костя принял важное решение.

— Идем, я тебе кое-то покажу.

— Куда?

— В парк.

— А это не страшно? — засомневалась она.

— Ни капельки. Это очень красиво.

И Костя повел Олю в свое тайное место. Они шли по тропинке, пробираясь сквозь кусты жимолости. Костя представлял себя принцем, возвращающимся из опасного странствия, где он встретил очаровательную принцессу. Сейчас они усядутся на ковер-самолет, взлетят над городом и унесутся за тридевять земель, в тридесятое царство.

— Вот, — сказал Костя, отодвигая большую еловую ветку, — заходи. Это мой дворец.

— Твой что? — переспросила Оля.

— Дворец. Здесь у меня много сказочных вещей. Я все тебе покажу.

— Это же обычный шалаш, — хмыкнула она, забираясь внутрь. — Сколько мусора.

— Это волшебная лампа, — принялся описывать свои сокровища Костя, — если ее потерять — появится джинн. Но обычно днем он спит, а вылетает только ночью. Вот

тапки-сороходы. А это, — он указал на одеяло, — мой ковер-самолет. Усаживайся.

— Ты странный, — засмеялась Оля. — Это ведь только в сказках бывает. Ты слишком много их прочитал.

— Нет! — почти закричал Костя. — Здесь все настоящее! Разве ты не видишь?!

Оля развернулась и выбралась из шалаша.

— Идем домой. Можем сегодня посмотреть мультики вместе, если хочешь.

— Ладно, — кивнул Костя, заботливо прикрыл вход ветками и потопал за Олей.

Вечером родители позвали Костю в зал и торжественно усадили на диван.

— Оля пригласила меня к себе посмотреть мультики, — предупредил он.

— Очень хорошо, — улыбнулся папа, — у нас недолгий разговор.

— Нам нужно сообщить тебе одну важную вещь, — сказала мама, и, выдержав паузу, добавила: — Мы уезжаем в Москву. У папы там новая работа. А ты... — она помолчала. — Ты остаешься жить с бабушкой и дедушкой.

— Да, — добавил папа, — здесь тебе будет лучше. Свежий воздух, природа. Мы с мамой подумали, что не стоит тебе переезжать — Москва слишком большой и шумный город для ребенка. К тому же, у тебя ведь много друзей здесь. А когда

окончишь школу, приедешь к нам, поступать в московский вуз.

Костя сидел на диване и хлопал ресницами. Через минуту из его глаз покатались слезы.

— Не хочу, — всхлипнул он, — не хочу оставаться сам.

— Ты будешь не сам, — погладила его по голове мама. — Бабушка и дедушка о тебе позаботятся.

— А вы? — сквозь всхлипывания спросил Костя. — Почему вы меня бросаете?

— Ну, малыш, ну что ты, — мама обняла его за плечи. — Просто так тебе будет лучше. Мы будем приезжать в гости. И присылать подарки. Мы ведь тебя очень любим.

— Знаешь, — папа заговорщицки подмигнул, — сейчас появились «приставки», на которых можно играть в игры. Ты, может, видел у кого-то из друзей? Я тебе такую пришлю из Москвы! Лады? — он потрепал Костю по волосам.

— Ага, — всхлипнул Костя.

— Вот и славно.

— Хочешь торт? — спросила мама. — Идем на кухню. Я тебе дам кусочек с собой — угостишь Олю. Она хорошая девочка.

Целых две недели, пока родители готовились к отъезду, Костя не был в своем шалаше. Из школы он спешил домой, чтобы провести с ними побольше

времени. Ему почему-то казалось, что после отъезда это будут уже не его папа и мама. Они, конечно, встретятся снова, но тех, настоящих родителей, с которыми прошло его детство, он больше никогда не увидит.

Когда в назначенный день приехало такси, он спустился вместе с ними во двор. Родители загрузили вещи в багажник, попрощались с дедушкой и бабушкой и подошли к нему.

— Ты ведь будешь хорошим мальчиком, — сказала мама. — Слушайся бабушку и дедушку, пиши нам.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Давай, парень, хорошо учись и главное — хорошо питайся, — папа засмеялся и похлопал его по плечу. — Мужик должен быть большим и сильным. Понял?

Костя кивнул.

Родители сели в машину. Костя помахал им рукой, подождал, пока машина скрылась за поворотом... Ему хотелось заплакать, но он сдержался. Вместо этого он обернулся и медленно побрел по тропинке вдоль дома.

— Куда ты, внучек? — спросила бабушка.

— К друзьям. Гулять, — ответил он.

За полмесяца кусты жимолости, казалось, стали еще гуще и непроходимее. «Тем лучше, — думал Костя, — никто не найдет мой дворец. Никто

не потревожит меня в моем убежище». Весь мир казался ему чуждым и холодным, а люди представлялись похожими на воздушные шарики — пестрые снаружи и пустые внутри. Даже Оля не увидела всей красоты его дворца, не поняла его магию.

Костя вышел на полянку и остановился — из шалаша доносились какие-то странные звуки. Он осторожно приблизился, заглянул внутрь и отпрянул, зажав нос из-за ужасной вони. Укрывшись ковром-самолетом, надев тапки-скороходы и подложив под голову книгу сказок «Тысяча и одной ночи», в шалаше крепко спал грязный бомж.

И тут Костя разрыдался. Слезы ручьями полились по его щекам. Он бросился бежать прочь от шалаша, от своего оскверненного дома, не разбирая дороги. Сказочный мир рухнул, рассыпался в прах, навсегда похоронив в руинах что-то очень важное.

Он все бежал, бежал и остановился, только оказавшись у обрыва. Внизу стремительно неслась темная вода, образуя водовороты в стремнинах. На другом берегу раскинулись луга, а на горизонте виднелся другой город. «Красиво, — подумал Костя, всхлипывая. — Как не хватает здесь моего ковра-самолета! Я бы взмыл сейчас вверх и унесся далеко-далеко». Он сел над рекой, свесив

ноги, и долго смотрел вдаль, глубоко вдыхая прохладный воздух. «Ничего, — решил он, успокоившись, — вот вырасту и стану летчиком. Буду летать на настоящих самолетах туда, где есть настоящие замки и дворцы».

На следующий день он пошел в гости к Оле. Они смотрели «Утиные истории» и ели мороженое. О шалаше Костя старался не вспоминать, рассказывать сказки перестал — теперь после школы ребята обсуждали уроки, вечернюю телепрограмму и одноклассников.

Завести новых друзей у Кости так и не получалось — Оля была его единственным другом, и только с ней он проводил все свободное время. В четырнадцать, когда ее родители уехали на дачу, они провели ночь вместе.

Это было страшно, интригующе, волнующе, стыдно и приятно — все в одном флаконе. Он впервые увидел ее совсем голой. Впервые касался губами там, где раньше боялся дотронуться рукой. Во всем процессе крылась какая-то таинственность, и Оля переставала быть той маленькой девочкой, с которой совсем недавно они вместе смотрели мультфильмы. Жизнь выходила на новый этап.

— Что только твои родители думают?! — ворчала бабушка. — Оставили ребенка нам на содержание, а сами — не то чтобы приехать — деньги и те раз в два месяца шлют. Занятые шибко

там в своей столице. А мы на свою пенсию тебя кормить должны?!

— Ты, бабка, по сусекам поскреби, — говорил дед, — лепешек постных ему испеки. Лишь бы с голоду не помер, а на остальное пусть сам зарабатывает — я в его возрасте уже на завод пошел.

Костя спокойно выслушивал эту брань — в последнее время она стала слишком регулярной. Работать в их городишке было негде, и дед это прекрасно знал. Так что ворчание обычно заканчивалось бабушкиными ахами и вздохами по поводу неблагонадежности его родителей.

Близился выпускной. Теплым майским вечером они с Олей вышли прогуляться.

— Родители собираются отправить меня в Москву, — сказала она.

— Ясно.

— И твои ведь в Москве работают? — Оля счастливо улыбалась. — Так что ты тоже поедешь туда учиться. Я на юридический буду поступать. Может, ты тоже?

— Не знаю, — сказал Костя. — Посмотрим.

Москва ему не нравилась. Она казалась каким-то монстром, который поглощал и переваривал людей, превращая их в тени прошлого. Так она сделала с его родителями, так наверняка поступит и с Олей.

Он мечтал найти город, в котором еще сохранилась романтика, где встречаются сказочные персонажи и настоящие чудеса. Костя решил, что если и существует такой город, то только один.

— Бабушка, дедушка, я получил аттестат, — сказал он, протягивая бумагу с гербом.

— О, молодец, внучек, — дед повертел ее в руках, передал бабушке.

— И... я уезжаю.

— Куда? В Москву?

— Нет. В Санкт-Петербург.

— А чего же не в Москву?

Костя не ответил. Он собрал вещи, сказал «до свидания» и вышел из дому. Поезд отходил через час. Прощаться с Олей он не стал. Какой в этом смысл, если через год-другой и она станет тенью из прошлого?!

В поезде он познакомился с девушкой.

— Ты до Питера? — спросила она.

— Да, — ответил Костя.

— Я тоже. Меня зовут Катя.

— Очень приятно. А меня Костя.

— Поступать? — поинтересовалась она после паузы.

— Что?

— В институт едешь поступать?

— Да.

— А в какой?

— Гражданской авиации. Хочу летчиком быть.

— Ой, классно. А я в Художественную академию.

— Круто. Хочешь стать художницей?

— Обожаю рисовать, — улыбнулась Катя. — Показать тебе мои рисунки?

Не дожидаясь ответа, она достала большую папку.

— Это только акварели, — сказала она скромно, протягивая Косте стопку листов.

Еловый лес, старая лампа, пестрый ковер с сюрреалистическим орнаментом, голубая река, желто-зеленый луг. Костя с удивлением рассматривал рисунки, радуясь, как ребенок, впервые за долгое время. Ему показалось на мгновение, что он вернулся в свое сказочное детство. Образы оживали. Теперь они были не машинописные, а нарисованные кистью и красками. Но главное — они были здесь, рядом, прямо перед ним.

— Сказочно, — отметил он словно про себя.

— Правда? Тебе нравится?

— Очень! — кивнул Костя.

— Спасибо.

Всю ночь, под стук колес, Косте снова, как когда-то в детстве, снились яркие сны. В одном из них появилась Катя. Она наклонилась и поцеловала

его в губы. Он притянул ее к себе, обнял и ответил долгим крепким поцелуем.

Утром, стоя на перроне, они прощались.

— Где ты будешь жить? — спросила она. — В общежитии?

— Наверное.

— Ты еще не знаешь? — удивилась Катя. — А сегодня где ты будешь ночевать?

Костя помотал головой.

— Ясно. Тогда идем со мной. Я пока остановлюсь у подруги моих родителей. Она тоже художница. Живет на Васильевском острове. Места у нее много — думаю, тебе тоже хватит.

— Как-то неудобно, — начал было отказываться Костя.

Но Катя была непреклонна. Он сразу понял, что с такой спорить бесполезно. Уж если что-то решила, то непременно настоит на своем.

— Ты же первый раз в большом городе, верно?

— Да.

— Поначалу здесь лучше не ходить одному — потеряешься. К тому же, тебе ведь понравились мои рисунки?

— Очень!

— Теперь у тебя будет возможность видеть их каждый день.

Костя улыбнулся. Такая перспектива его

вполне устраивала.

Хозяйка квартиры оказалась разбитной женщиной, с хрипотцой в голосе и вечной сигаретой в руке.

— Зайцева, ты сразу и ухажера привела? — спросила она Катю. — Ну, молодец, времени зря не теряешь! Правильно! Парень вроде симпатичный, — добавила она, смерив Костю взглядом, и протянула руку. — Алина Волкова.

— Костя.

— А чего же ты, Костя, без папки? — спросила Алина.

— Он не художник, — вступилась Катя, — он летчик.

— Будущий, — добавил Костя.

Так они начали жить втроем. Алина практически все время проводила дома. Большая квартира на мансардном этаже служила ей и жильем, и студией, и местом встреч. Только иногда, по вечерам, она выбиралась «потусить» с друзьями и возвращалась домой глубокой ночью, изрядно выпившей.

— Почему ты решил стать летчиком? — однажды спросила Катя у Кости.

— Чтобы улететь.

— Куда?

— Скорее откуда... Не знаю, как лучше это объяснить.

Костя немного помолчал.

— В детстве все было по-другому. Все было сказочным! Например, я мог летать на ковре-самолете. Многие считали его старым покрывалом, но я-то знал, какими магическими способностями он обладает. Потом все изменилось — вещи утратили свою волшебную силу. Тогда я подумал, что летать на самолете может быть так же классно, как и на ковре. Просто чуточку иначе. И, если повезет, самолет тоже унесет меня в сказочную реальность.

— А мне иногда кажется, что мои рисунки живут своей жизнью. Что я не художница, а проводник из мира фантазий в наш мир. Я привожу их сюда. А дальше они уже сами по себе.

Алина слушала их, улыбаясь.

— Вам еще взростеть и взростеть.

— В смысле? — обиженно спросили Катя и Костя.

— Ваши сказки и фантазии похожи на картины, которые висят на стене. Вы их видите, размышляете о них, можете потрогать или рассказать о них друзьям, но вы не верите в то, что за ними что-то есть.

— Сказки — это выдумка, — грустно покачал головой Костя. — Мне когда-то очень четко дали это понять.

— Да, выдумка. Такая же, как и все то, что ты